

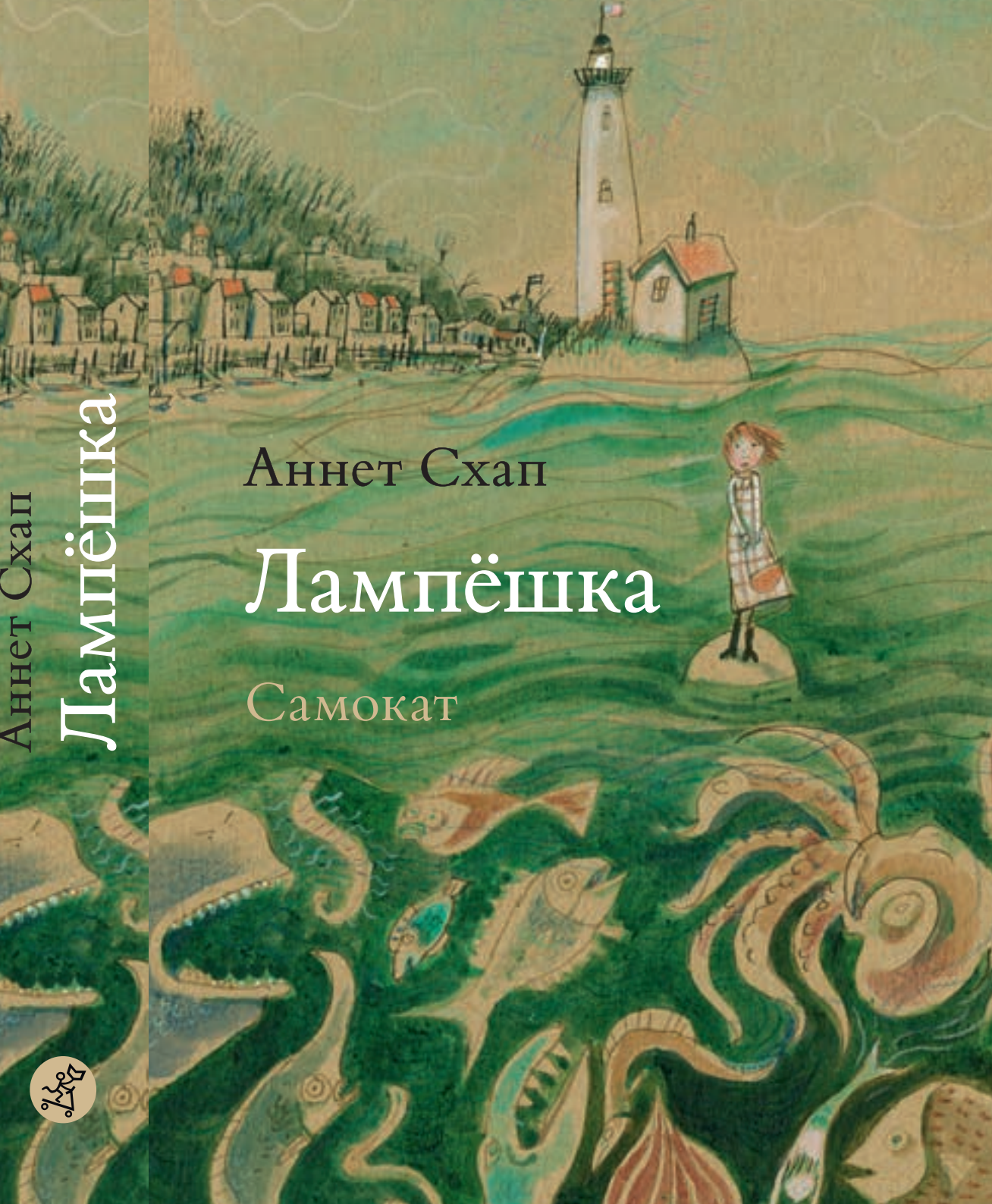
Аннет Схап

Лампёшка

Аннет Схап

Лампёшка

Самокат

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

Книга издана при финансовой поддержке
Нидерландского литературного фонда

Аннет Схап
ЛАМПЁШКА

Перевод с нидерландского Ирины Лейченко

Москва

Самокат

УДК 821.112.5(02.053.2)
ББК 84(4Нид)6-44
С92

Схап, Аннет.

С92 Лампёшка: [для младшего и среднего школьного возраста] / Аннет Схап; пер. с нидерл. Ирины Лейченко; ил. автора. — М. : Самокат, 2019. — 336 с. : ил. — ISBN 978-5-91759-805-5.

Аннет Схап — известный в Голландии иллюстратор (она оформила более 70 детских книг). «Лампёшка» (2017) — её писательский дебют, ошеломивший всех: и читателей-детей, и критиков, и педагогов. В мире, придуманном Аннет Схап, живёт мечтательница Эмилия по прозвищу Лампёшка. Так её прозвал папа, смотритель маяка. Чтобы каждый день маяк горел, Лампёшка поднимается по винтовой лестнице на самый верх высокой башни. В день, когда на море случается шторм, а на маяке не находится ни одной спички, и начинается эта история, в которой появятся пираты, таинственные морские создания и раскроется загадка Чёрного дома, в котором, говорят, живёт чудовище. Романтическая, сказочная, порой страшная, но очень добрая история. В 2018 году книга удостоена высшей награды Нидерландов в области детской литературы — премии «Золотой грифель».

Copyright text and illustrations © 2017 by Annet Schaap
Original title Lampje
First published in 2014 by Em Querido's Uitgeverij,
Amsterdam

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

Цитата из «Русалочки» Х. К. Андерсена на стр. 9
приведена в переводе А. Ганзен.

Цитата из «Трёхгрошовой оперы» Б. Брехта на стр. 9
приведена в переводе С. Апта.

ISBN 978-5-91759-805-5

Оглавление

ЧАСТЬ 1. МАЯК

- Спичка 12
- Шторм 16
- Корзинка 23
- Скала 27
- Вина 32
- Пощёчина 38
- Наволочка 45
- План мисс Амалии 48
- Взаперти 54
- Марта 56

ЧАСТЬ 2. ЧЁРНЫЙ ДОМ

- Похороны Йозефа 66
- Ночь 70
- Семь лет... День первый 74
- Вёдра и швабры 81
- Тайна 84
- Кровь 88
- Чудовище 93
- Зловоние 97
- Охотники 102

ЧАСТЬ 3. МАЛЬЧИК ПОД КРОВАТЬЮ

- Монстр под кроватью 110
- Колыбельная для чудовища 116
- Женщины с хвостами 120
- Кофе с Мартой 125

Как приручить чудовище 130
Эта безмозглая девчонка 137
Купание 139
Как проходят дни 146
Ограда 150
Платья 154
Зев ночи 160

ЧАСТЬ 4. ЛЕТО

Раскаяние 166
С-О-Н 168
Лето 175
Отцы и ноги 180
Плотницкая 186
Тележка 189
Выходной 195
Занозы 198

ЧАСТЬ 5. РУСАЛКА В ШАТРЕ

Умопомрачительные уроды 206
Глаз 212
В пути 217
Сердце учительницы 220
Четвертак 227
Миссис Розенхаут 233
Сияющий Алмаз 238
Эйфу улыбается удача 246
Вечер у костра 253
Письмо 258
Рыб плывёт 260

ЧАСТЬ 6. ГЕРОЙСКОЕ ТЕСТО

Прощание на пирсе 266

Фотокарточка 272

Адмирал сходит на берег 280

Ежевичный пирог 285

Ник 294

Пора 300

Адмирал смотрит в окно 305

Лодка 310

Гвозди 313

Порт 317

Шторм 324

Скала 328

«Чёрная Эм» 331

*Моей младшей сестре Мириам
Детям, которыми мы были
Лету, когда мы валялись на сене и читали, читали...*

— ...и станешь ты пеной морской!
— Пусть! — сказала русалочка, побледнев
как смерть.
— А ещё ты должна мне заплатить за по-
мощь, — сказала ведьма. — И я недёшево
возьму!

Ханс Кристиан Андерсен. «Русалочка»

И умчится со мною
Сорокаорудийный
Трёхмачтовый бриг.

Бертольт Брехт. «Трёхгрошовая опера»

ЧАСТЬ 1
МАЯК

Спичка

От берега отходит узкий перешеек, на дальнем его конце, как зуб на ниточке, — остров, точнее полуостров. На полуострове стоит высокая серая башня — маяк, луч его по ночам описывает круги над маленьким приморским городком. Благодаря маяку корабли не расшибаются о скалу, торчащую посреди бухты. Благодаря маяку ночь не кажется слишком тёмной, а бескрайняя земля и безбрежное море — слишком бескрайними и безбрежными.

В доме у маяка живут смотритель Август с дочерью. При доме есть небольшой сад и кусочек каменистого пляжа, куда прилив всегда что-нибудь да вынесет. Раньше Август с дочерью просиживали там, под блуждающим высоко над головами лучом, целыми вечерами. Август разводил костёр, а из бухты на шлюпках приплывали пираты. Они рассаживались вокруг огня, ели жаренную на костре рыбу и всю ночь распевали песни — застольные, кручинные,

а порой и жуткие, про тайны морские, от которых девочку охватывали вместе дрожь и радость, и она забиралась к маме на колени.

Но пираты к ним больше не заплывают, и отец её больше не разводит костров.

С наступлением сумерек маяк уже должен гореть. Зажигает его всегда девочка. Каждый вечер она взбирается по шестидесяти одной ступеньке наверх, открывает ржавую дверцу светового колпака, запалывает фитиль, заводит вращающий линзу механизм, закрывает дверцу — и готово.

Когда она была совсем маленькая, эта работа давалась ей с трудом, но теперь её руки окрепли, а ноги легко взбегают и сбегают по ступенькам дважды в день. Или трижды, если она забывает спички. Такое случается, и тогда её отец ворчит:

— Темнеет уже, а маяк ещё не горит! Что, если корабль собьётся с пути, — а, дочь? Что, если он наткнётся на скалу и я буду виноват, хотя на самом деле — ты? Живо наверх! Или мне самому идти? Ну, так и быть...

Он поднимается с кресла.

— Да иду уже, иду, — бурчит девочка и вынимает из выдвижного ящика коробок спичек. Она встряхивает его и по звуку понимает: спичка осталась всего одна.

«Завтра надо купить ещё, — думает она. — Не забыть бы».

Попробуй не забудь! Ведь в голове вечно крутится столько всего: песни, истории, то, чему ей ещё нужно

научиться, то, что она хочет забыть, но что упорно не забывается. Когда что-то хочешь запомнить, оно часто улетучивается из памяти, а когда не хочешь вспоминать — как ни старайся, не выкинешь это из головы.

Поднимаясь по лестнице, она придумывает трюк. Что там надо было запомнить? Ах да, спички. Она мысленно берёт полный коробок и кладёт на стол, который стоит у неё в голове, прямо посередине. На столе — лампа, свет от неё падает прямо на коробок, так что первым, что она увидит, проснувшись утром, будут спички. Хотелось бы надеяться. Что за лампа? Так себе, обычная лампёшка. С зелёным эмалированным абажуром и стёршимся золотым ободком. Та, что стояла раньше на тумбочке у маминной кровати.

А вот об этом девочка хотела бы забыть.

— Придумай другую лампёшку, Лампёшка, — говорит она себе, ведь Лампёшка — ещё и её имя.

Вообще-то зовут её Эмилия. Но так звали и её маму. А отцу и прежде не нравилось, что на его зов всегда откликались обе, а теперь он это имя и слышать больше не хочет. Вот и прозвал дочь Лампёшкой.

— Но светила из тебя не выйдет, Лампёшка, — говорит он каждый раз, когда она что-нибудь забывает или обо что-нибудь спотыкается — бывает, что и с тарелкой горячего супа в руках.

Лампёшка поднимается вверх с последней спичкой. Нужно быть осторожней, нельзя, чтобы спичка погасла раньше, чем займётся огонь, ведь тогда... Погибшие корабли, разъярённый отец. И ещё неизвестно, что хуже.

Она подкручивает фитиль и немного распушает его, чтобы поскорей загорелся. Потом вынимает из коробка спичку и строго на неё смотрит.

— Ты уж постарайся! А не то...

А не то — что? Чего больше всего боится спичка? Потухнуть? Переломиться посередине? Нет, вот чего!

— ...а не то брошу тебя в море, — шепчет Лампёшка. — И ты так промокнешь, что никогда больше не загорисься.

Но это, конечно, пока спичку не вынесет на берег... На какой-нибудь горячий пляж, и она высохнет на солнце, и тогда...

— Лампёшка! — голос гремит у неё в ушах, хотя отца и дочь и разделяет шестьдесят одна ступенька. — Фитиль! БЫСТРО!

Обычно в это время отец давно уже похрапывает в своём кресле. Но как раз сегодня ему не спится. Девочка чиркает спичкой. Не искра, а смех один. Ещё раз. Загорается аккуратный огонёк, пахнет серой. Вот, молодец! Она прикрывает огонь другой рукой, подносит спичку к фитилю. Ну, давай же! Огонёк медлит, потом нерешительно разгорается.

— *Огонёк мой, гори, фитилёк мой сожри...* — напевает она, не сводя глаз с яркого пламени. Узел, который завязался было у неё в животе, ослабляется.

Закрывать дверцу, завести механизм, и готово.

— *Спички нужны — одна, две, три...* — мурлычет она, спускаясь по ступенькам. — Не забыть бы!

Но она всё-таки забывает.

Шторм

И, разумеется, на следующий день разражается шторм. Лютый.

Весь день стоял полный штиль, а теперь беспокойно надрываются чайки и не переставая воют псы. Они чувствуют опасность, предупреждают хозяев и тревожно всматриваются в небо.

К концу дня тучи на горизонте сгущаются. Небо над морем становится свинцовым, солнце прячется.

— *Сумерек сегодня не будет*, — шепчет солнце. — *Я уйду*.

За окном всё погружается во тьму.

По другую сторону стекла перед пустым выдвижным ящиком стоит побелевшая от страха девочка.

Целый день она искала на скользких камнях мидий — они вкусные и не стоят ни гроша. Для кур она насобирали морских червей, а для очага — прибитые к берегу коряги и положила их сушиться в саду. Потом она ещё поискала, не вынесло ли море какую-нибудь необычную раковину

или бутылку с посланием, но ничего не нашла. Наконец, подняв глаза, она обнаружила, что уже стемнело и пора зажигать маяк. И тут девочка вспомнила то, о чём за весь день не вспоминала ни разу.

Тьма за окном бесшумно сгущается. У города ещё есть время, но совсем чуть-чуть: можно успеть снять с верёвки развешенное бельё и захлопнуть ставни. Запереть лавки, позвать с улицы детей.

— Ма-а-ам, я ещё немножечко!..

— Никаких «немножечко»! Домой, живо!

Совсем чуть-чуть: старые рыбаки ещё успеют покивать и, блеснув глазом, пробормотать: «Да-а-а... нынче опять громыхнёт. Как тогда-то... и тогда-то... Как тогда на Пасху... и как тогда в феврале, в нордкапский шторм, когда по небу летали овцы, а корабли швыряло о берег... Хотя так-то, конечно, уже не заштормует... Или заштормует?» Они маленькими глотками прихлёбывают молоко. В старину было страшно, ясное дело, — а ну как бывает и хуже? А ну как самое страшное ещё впереди?

Поднимается ветер.

— Лампёшка? Лампёшкагдетытам? — У отца все слова липнут друг к дружке. — Лампёшкагоритмаяк?

— Сейчас-сейчас, — бормочет Лампёшка. — Вот только спичек куплю.

Она обматывает шею шарфом, хватая корзинку и выбегаёт из дома. Ветер рвёт дверь из рук и захлопывает за спиной.

— Спасибо, ветер, — говорит Лампёшка: со штормом

лучше повежливей. И она припускает через сад, по скользкой каменистой тропинке — в город.

Волны накатывают на каменистый пляж, одна выше другой.

От полуострова к берегу ведёт перешеек — узкая тропка из камней, неровная, как плохие зубы. Камни торчат над водой даже в прилив. Лампёшка перепрыгивает с камня на камень. Ветер дует ей в лицо, тянет из рук корзинку с отрезком замши внутри. Замша — это чтобы спички не промокли на обратном пути, ведь ей ещё возвращаться. Девочка старается не думать об этом. Впрочем, ветер и так выдувает из головы все мысли.

— Спасибо-спасибо, ветер!

«Вообще-то ветер — мой друг», — надеется она.

Друг пытается опрокинуть Лампёшку в море. Башмаки уже промокли и скользят на камнях. Время от времени она хватается за вбитые вдоль перешейка столбики, чтобы перевести дух.

Уже близко, думает девочка, — но тропинка еле видна. В лицо летит песок и всё, что ветер подобрал на пляже. По щекам бьют водоросли, ветки, обрывки верёвок.

— *Это тебе подарочки, Лампёшка. Гляди!*

Она проводит рукой по волосам, стряхивая мусор. Милый ветер, злой ветер! Не нужно мне подарков, ничего не нужно. Кроме спичек.

Ветер, похоже, сердится, начинает швыряться дождём. Миг — и Лампёшка промокла до нитки. А он ещё обдувает её холодом...

— Хватит! — задыхается девочка. — Уймись, ветер! Лежать!

Ветер не собака, никого не слушает. Он снова разгоняется и — у-у-у!

Но вот и пристань, и базальтовые ступеньки. Лампёшка оскальзывается, падает, ушибает колено, но хватается за перила и вытягивает себя наверх, на берег.

В порту канаты бьются о мачты. Шум и грохот — как от целого оркестра: дробь барабанов, вой духовых и первые громовые удары литавр. Лампёшка бежит, не слыша собственных шагов. Шторм пытается сбить её с пути, но она знает дорогу даже во тьме.

На улице никого. Домá стоят крепко, не боятся, что их сдует. Деревья роняют листья и ветки. Мимо с грохотом катится железное ведро. Все ставни на запоре, лавки закрыты.

Улицы, переулки. Осталось немного, но тут дождь леденеет, и ветер швыряет горсть града ей в лицо. Ай-ай! Лампёшка прикрывает лицо руками и бежит дальше. Вот и улица, где находится лавка мистера Розенхаута. Ветер в последний раз пытается вырвать у девочки из рук корзинку.

— *Ну отдай, чего ты? Такая хорошая корзиночка, ею можно кидаться, унести далеко-далеко, в другую страну, или...*

— Не трожь! — кричит Лампёшка и крепче сжимает ручку корзинки.

Ах, так?! На тебе ещё граду — блямс!

Но она уже на месте: вот бакалейная лавка. Ящики с овощами убраны внутрь, свет не горит. Ставни заперты, дверь тоже. Неудивительно: кто ж в такую пору отправится за покупками?

— Я! — кричит Лампёшка. — Это я! Мистер Розенхаут! Отоприте!

Ветер уносит её слова — может, она их и не кричала вовсе? Девочка сама теперь не уверена. Она колотит в дверь.

— Мистер Розенхаут!

— *Глупышка, пискля! Никто тебя не услышит, и не надейся. Я сдую твой голос, я сдую тебя, я передую тебя надвое. А все спички, что ты зажёжёшь, потушу — мне это раз плюнуть, ха!*

Её друг, который никакой не друг, покатывается со смеху.

«Он прав, — думает Лампёшка. — Разве мне с ним сладить?» Ей холодно, ноги дрожат. Неужели придётся возвращаться? Без спичек?

Она кричит ещё раз, изо всех сил:

— Мистер Розенхаут!

В глубине магазина загорается огонёк. Кто-то идёт к двери со свечой в руке. Это бакалейщик, мистер Розенхаут, в халате и в намотанном на шею шарфе. Узнав Лампёшку, он ускоряет шаг, отодвигает засов и открывает дверь. Мощный порыв ветра вдувает Лампёшку в лавку. Подвешенный над дверью колокольчик трезвонит как сумасшедший.

— Здравствуйте! — дрожащим голосом произносит девочка. — У вас ещё остались спички?

— Дверь, дверь! — кричит мистер Розенхаут, и вместе они толкают дверь против ветра.

Наконец им удается её захлопнуть, и тут же воцаряется тишина. Град стучит в окна, но теперь это снаружи. Лампёшка отдувается, с её платья стекает вода.

— Ты что, девочка, с самого маяка сюда пришла, в такой шторм?

— Спички кончились. А маяк надо зажечь.

Мистер Розенхаут пугается:

— Он ещё не горит?! Конечно, надо зажечь! Тем более сегодня! Но обратно в такой шторм тебе нельзя.

— Надо, — отвечает Лампёшка. — Иначе никак.

Девочка пытается говорить уверенно, но из горла вырывается какой-то странный писк. Она выжимает свой шарф и замечает, что стоит в большой луже.

— Пойдём-ка наверх. — Бакалейщик кладёт руку на её мокрое плечо. — Дам тебе сухую одежду, тёплого молока... Ох, да ты вся продрогла! Нельзя же так...

Она сбрасывает его руку.

— Мне надо обратно! Два коробка, пожалуйста. Запишите на наш счёт... если можно.

— Беда!.. — Мистер Розенхаут качает головой. — Пропадёшь ведь!

Но и сейчас он прежде всего бакалейщик, и его руки уже копаются в шкафу.

— «Ласточка»? Высшего качества? Но сперва тебе нужно согреться. Не понимаю, как можно ребёнка в такую погоду...

— Фредерик! Кто там? — доносится сверху голос миссис Розенхаут.

— Это Лампёшка, за спичками.

— Лампёшка с маяка?

— Послушай, сколько Лампёшек ты знаешь?

— Пускай поднимается сюда!

— Я уже и сам сообразил.

Вздохая и качая головой, мистер Розенхаут забирает у Лампёшки насквозь промокший шарф, вешает его

на бочку с маслом и отдаёт девочке свой. Шерсть царапает её мокрую щёку.

— Башмаки оставь тут, мокрое снимешь наверху, а там уж мы найдём тебе что-нибудь...

— Нет, спасибо, — говорит девочка. — Мне надо домой.

Шарф соскальзывает на пол, но она его не поднимает, а заворачивает спички в замшу и кладёт в корзинку. И выбегает на улицу.

Корзинка

Тем временем Август, чертыхаясь, ковыляет по комнате.

Он вывернул на пол все выдвижные ящики, вывалил из шкафа всю одежду. На полу валяются кастрюли и рубашки, чашки и сухой горох. Спичек нет. Нигде.

Он прокликает Лампёшку и себя самого. Очаг только что погас, плита холодная как камень. Он швыряет в угол бесполезную керосинку. Поднимает, опять швыряет. В окно барабанит град. Что же делать? А что тут поделаешь. Ну куда запропастилась эта девчонка?

Он карабкается по лестнице, подпрыгивая на здоровой ноге шестьдесят один раз. Девчонки нет и наверху. Ветер едва не перекидывает его через ограждение.

Волны бьются о башню. Волны высотой с дом, огромные зелёные чудища — они хотят поглотить, своротить всё на своём пути. За башню он не боится, он боится за корабли, которые ветер в этой непроглядной тьме несёт в бухту. Сквозь вой ветра ему уже чудится хруст корабельных носов. Это он виноват. Нет, виновата девчонка, эта дрянная девчонка. Да где же она?

Август пытается пронзить тьму глазами. Прошу тебя! Пожалей меня. Прошу тебя, не свались в море, вернись домой целой и невредимой. Прошу...

Он отгоняет эти мысли презрительной усмешкой. Проси не проси — его самые заветные желания никогда не сбываются, а сбывается то, чего он больше всего на свете не хочет. Как будто до него есть кому-то дело!

Так пропади оно всё пропадом! Пускай корабли искрошит в щепки, ему-то что! Пускай эту дрянную девчонку унесёт ветром...

Дрянная девчонка продирается сквозь шторм к дому. Во всяком случае, пытается.

С ветром она больше не разговаривает. Они уже давно не друзья, он дует ей прямо в лицо.

Лампёшка еле продвигается вперёд. Спотыкаясь, она пересекает площадь, усеянную листьями и ветками, и добирается до порта, до пристани.

Перед базальтовыми ступеньками Лампёшка в испуге останавливается. Ветер загнал море на ступени, почти до самого верха. Тропу к маяку можно разглядеть только по белой пене, которая бурлит вокруг камней. Неужели придётся плыть?

Она смотрит на маяк, чернеющий на фоне тёмного неба. Внутри отец, наверное, сердито ковыляет кругами — она видит, какой он злой, какие свирепые взгляды кидает на дверь, она ясно видит эту дверь, ручку двери, надо лишь протянуть руку и дотронуться до неё...

Она прижимает корзинку к груди и ступает в воду.

Поначалу всё не так плохо, поначалу Лампёшка ещё

нащупывает столбики, а её ноги находят под водой камни. Ветер свистит:

— Здравствуй, здравствуй, подружка! Вернулась? Пришла наконец со мной поиграть? Маячника дочь, скажи, не робей: неужто ты моря и ветра сильнее?

— Да! — Лампёшка пытается перекричать шторм. — Представь себе! Я — сильнее!

Она упрямо перебирается с камня на камень. Вокруг клокочет тёмная вода, поднимается всё выше, кусает холодом её лодыжки, колени, бёдра. Сердце Лампёшки бьётся как безумное.

Подняв глаза, она видит, что преодолела уже полпути. Самый опасный отрезок ещё впереди, но половина пройдена.

— Видишь, ветер?! Всё равно ты меня не...

Ветер выхватывает у неё из рук корзинку. Подбрасывает высоко, крутит над головой, просто из вредности, и уносит — вместе со спичками. Подальше, за море, на берег чужой, пусть будет подарок девчужке другой... Лампёшка видит, как крошечная точка исчезает в тёмном небе. Она визжит от ярости, и ветер заливает ей рот морской водой, солёной и холодной, а она и так продрогла, и всё потеряно. И слёзы тоже солёные — никакой разницы.

Она смотрит вперёд, потом назад. Маяк так же далеко, как и берег, такой маленькой девочке в таком большом море не добраться ни туда, ни туда. Но домой теперь, без спичек, можно и не возвращаться.

Вода поднимается всё выше, и её ноги отрываются от камней. Плавать она умеет, но не пытается.

«Мама, — думает она, — я уж лучше к тебе. Отцу, конечно, будет грустно, но он и так всегда грустный».

Она тонет.

Лампёшка не чувствует, как к ней подплывают холодные тела, как её хватают холодные руки. Облака зелёных, как водоросли, волос колышутся в волнах. Смешки, хихиканье:

— Ах, бедняжка, детёныш, утопший детёныш...

Её голову поднимают над водой, её тащат к маяку, на полуостров, и бросают на камни:

— В нашей воде двуногим не место!

Там, у двери своего дома, и лежит теперь Лампёшка, а тем временем в бухте гибнет корабль.